
Д. М. Титов

Русская эмиграция во Франции и Католическая Церковь в межвоенный период

УДК 271.2(470+571)(1-87)-9+272(44)-67
DOI 10.47132/2541-9587_2024_4_106
EDN GWCOLD

Аннотация: Данная статья посвящена тому, как складывались взаимоотношения русской эмигрантской диаспоры первой волны во Франции и православного духовенства с одной стороны и Католической Церкви с аффилированными с ней французскими организациями с другой в период между двумя мировыми войнами. Революционные события в России привели к массовому исходу подданных Российской Империи, десятки тысяч русских эмигрантов, исповедовавших православную веру, выбрали католическую Францию своим новым домом. Русская эмиграция и французское общество, православие и католичество, должны были найти способ сосуществования. В данной статье рассматриваются благотворительная, миссионерская и культурная деятельность Папского престола и французских католических организаций по отношению к русским эмигрантам и духовенству, а также взаимные попытки установить межконфессиональный диалог. Для раскрытия данной темы необходимо затронуть вопросы: мотивации определявшую политику Ватикана в «Русском вопросе», взаимного восприятия католиков и православных и описать контекст существования русской диаспоры во Франции в период интербеллума.

Ключевые слова: межконфессиональные отношения, Русская Православная Церковь за границей, католицизм.

Об авторе: **Даниил Максимович Титов**

Аспирант Общецерковной аспирантуры и докторантура им. свв. равноап. Кирилла и Мефодия.
E-mail: daniil.titov.97@gmail.com

Для цитирования: Титов Д. М. Русская эмиграция во Франции и Католическая Церковь в межвоенный период // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 4 (24). С. 106–113.

Статья поступила в редакцию 03.09.2024; одобрена после рецензирования 16.09.2024; принята к публикации 16.09.2024.

PROCEEDINGS OF THE DEPARTMENT OF THEOLOGY

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 4 (24)

2024

Daniil M. Titov

Russian Emigration in France and the Catholic Church in the Interwar Period

UDC 271.2(470+571)(1-87)-9+272(44)-67
DOI 10.47132/2541-9587_2024_4_106
EDN GWCOLD

Abstract: This article is devoted to the development of relations between the first wave of Russian émigré diaspora in France and the Orthodox clergy on the one hand, and the Catholic Church with its affiliated French organizations on the other, in the period between the two world wars. The revolutionary events in Russia led to a mass exodus of subjects of the Russian Empire; tens of thousands of Russian émigrés who professed the Orthodox faith chose Catholic France as their new home. Russian émigrés and French society, Orthodoxy and Catholicism, had to find a way to coexist. This article examines the charitable, missionary, and cultural activities of the Holy See and French Catholic organizations in relation to Russian émigrés and the clergy, as well as mutual attempts to establish interfaith dialogue. To reveal this topic, it is necessary to touch upon the following issues: the motivations that determined the Vatican's policy in the "Russian question", the mutual perception of the Catholics and the Orthodox, and to describe the context of Russian diaspora's existence in France during the interbellum.

Keywords: interfaith relations, Russian Orthodox Church abroad, Catholicism.

About the author: **Daniil Maksimovich Titov**

Postgraduate student at the Saints Cyril and Methodius Institute for Postgraduate Studies.

E-mail: daniil.titov.97@gmail.com

For citation: Titov D. M. Russian Emigration in France and the Catholic Church in the Interwar Period. *Proceedings of the Department of Theology of the Saint Petersburg Theological Academy*, 2024, no. 4 (24), pp. 106–113.

The article was submitted 03.09.2024; approved after reviewing 16.09.2024; accepted for publication 16.09.2024.

Крах Российской Империи и церковный раскол поставил перед Католической Церковью «Русский вопрос», в котором Папство не собиралось быть безучастным. Избранный Папой в феврале 1922 г. Пий XI сразу же заявил о себе как о стороннике христианской унии, предприняв ряд решительных шагов: была реорганизована конгрегация *pro Ecclesia orientali*, существовавшая с 1917 г., в 1925 г. была создана Комиссия *Pro Russia*, активно развивался Восточный Институт, а в 1929 г. в Риме был основан «Руссикум». Восточный обряд представлялся Католической Церкви ключевым элементом к разрешению проблемы¹, ведь главным препятствием для включения православных в универсальную наднациональную Католическую Церковь представлялось различие в литургии. Особое место в политике Папского престола занимала благотворительность. Ватикан собирал феноменальные по тем временам средства для помощи жертвам голода в СССР². Другим направлением помощи стала русская эмиграция, причем папская помощь эмигрантам изначально состояла в поддержке светских благотворительных организаций, а затем в развитии собственных автономных организаций. В центре этой системы важное место занимал французский иезуит отец Мишель д'Эрбиньи, развернувший активную филантропическую деятельность в среде русской эмиграции в Европе, тем самым стремясь выстроить плодотворные отношения с русскими диаспорами, которые в результате могли бы способствовать переходу православных русских в католическую веру.

Желаемое в Риме сближение было хорошо встречено во Франции. Католические власти считали, что в отношениях с русскими православными открывалась новая эпоха. Именно тогда Франция стала динамичным центром русской эмиграции. В 1921 г. во Франции находилось около 30.000 эмигрантов из России, к 1926 г. это число достигло 67.000 человек, затем их численность стабилизировалась на уровне 70–80.000 человек, в том числе 45.000 человек в Парижской агломерации³. Положение эмигрантов было бедственным, и такие организации как Земгор, русское отделение Красного Креста и другие организации, а также французское общество и Католическая Церковь старались в меру сил оказать помощь. Созданная в 1920 г. «*Les Amitiés franco-russes*» стала первой французской светской организацией общенационального масштаба⁴, вошедшей в 1922 г. в состав спонсируемой министерством иностранных дел Франции католической ассоциации «Французский союз помощи русским», под председательством Эммануэля Шапталя, вспомогательного епископа Парижской епархии, ответственного за апостольство среди иностранцев. Эммануэль Шаптал⁵, прозванный «епископом иностранцев»,

---

¹ Голованов С. В. Русское католическое дело. Римско-католическая церковь и русская эмиграция в 1917–1991 гг. Омск: Амфора, 2015.

² Tokareva E. Vatican and Catholics in Russia in 1920–1930: communication problems // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2016. № 236. P. 379–380.

³ Menegaldo H. *Les Russes à Paris*. Paris: Autrement, 1998. P. 12.

⁴ Schor R. Le facteur religieux et l'intégration des étrangers en France, 1919–1939 // *Vingtième Siècle, revue d'histoire*. 1985. N. 7: Étrangers, immigrés, français. P. 103–116.

⁵ Clément J. Mgr Chaptal et la Mission diocésaine des étrangers // *Cahiers de la Méditerranée*. 2008. N. 76. P. 53–63

отлично владел русским языком, т.к. по материнской линии был внуком российского банкира еврейского происхождения Льва Раффаловича, и до рукоположения служил аташе французского посольства в Санкт-Петербурге. Помощником Шапталя был каноник Шарль Кене, также владевший русским языком и защитивший диссертацию о П. Я. Чаадаеве.

«Французский союз помощи русским» раздавал еду и одежду, оказывал помощь в поиске трудоустройства и получении образования. В 1922 г. в Париже «Союзу...» удалось трудоустроить 3.000 человек в автомобильную промышленность (в компании «Пежо», «Делоне-Бельвиль», «Рено»). В 1927 г. (т.е. за шесть лет работы) практическую помощь получили более 17,5 тыс. человек, при этом было роздано 7.175 талонов на питание и 4.700 пакетов одежды. Также 320 детей раннего возраста были помещены в приюты или детские дома, 465 детей воспитывались бесплатно или за полцены в интернатах или колледжах, 470 детей воспользовались услугами летних лагерей, 68 студентов получили бесплатное проживание и питание, 638 других студентов получили помощь⁶. Сеть благотворительных католических организаций расширялась по всей территории Франции: в Марселе, Тулузе, Лионе, Лилле и Ницце были созданы комитеты помощи. В частности, в Лилле ассоциация «Друзья русских студентов», основанная иезуитом отцом Давру, помогала получить молодым людям образование⁷, в Ницце бенедиктинский епископ на пенсии ван Калоен создал Французскую ассоциацию помощи эмигрантам, проживавшим на Лазурном Берегу, в которой, помимо раздачи гуманитарной помощи, была организована школа и построен детский дом. Особое место в деятельности католических организаций занял Лион. Открытый в 1923 г. «Лионский комитет» всего за год смог оказать помощь более 1.800 эмигрантам из России. Также в Лионе, до своего отъезда в Париж, проводил миссионерскую деятельность иезуит Тышкевич, там же планировалось создать первую семинарию для русских католиков на основе византийского обряда (однако проект не был реализован).

Постепенно между католиками и православными выстраивались культурные и интеллектуальные связи. В работе интеллектуальных кружков, таких как «Союз за истину» и «Декады Понтины», принимали участие Николай Бердяев, Григорий Трубецкой, Лев Жилле. Французское общество и Католическая Церковь проявляли особый интерес к русскому искусству, художественной и музыкальной культуре. Проводились выставки, был создан католический хор «Истина». Организованная в декабре 1927 г. в Париже «Semaine Mariale Orientale» знакомила прихожан-католиков с восточной литургической традицией⁸. Также в межвоенный период появляются русскоязычные католические журналы: ежемесячный бюллетень «Вера и Родина», «Благовест» (под редакцией настоятеля русского католического прихода церкви Св. Троицы в Париже Александра Евреинова). Конечно же, эти издания

⁶ Schor R. Solidarité chrétienne? Orthodoxes russes et catholiques français dans les années 1920 // *Cahiers de la Méditerranée*. 2001. N. 63. P. 157–167.

⁷ Gouyon C. L'action des catholiques français auprès des jeunes réfugiés russes dans l'entre-deux-guerres // *Revue d'histoire de l'enfance "irrégulière"*. 2022. N. 24. P. 21–32.

⁸ Pettinaroli L. La politique russe du Saint-Siège (1905–1939). Rome, 2015. P. 165.

русско-католической общины во Франции были лишь каплей в море из 167 русских периодических изданий, выходивших в то время. Параллельно выстраивался процесс коммуникации между Папским Престолом и православным духовенством, причем Ватикан делал попытки наладить отношения как с консервативной РПЦЗ, так и с более открытым к диалогу митрополитом Евлогием (Георгиевским). Отметим, что при всем при том прочные доверительные отношения так и не были установлены.

Мотивация и бескорытность помощи со стороны католиков является дискуссионным вопросом, не имеющим однозначного ответа. Вероятно, проблема в восприятии русских участниками этого процесса. Разумеется, не стоит отказывать организаторам помощи в элементарном милосердии и солидарности с братьями-христианами, попавшими в бедственное положение как на территории Советской России, так и в эмиграции (тем более что получение помощи не было связано с религиозными требованиями). Но, при этом, восприятие русских важно, поскольку отечественные эмигранты чаще всего фигурируют в католических дискурсах как «заблудшие овцы»⁹, оставленные собственными пастырями (поскольку эмиграция была разделена на «карловчан» и «евлогийан»). Иначе говоря, православные русские представлялись католиками «потерянными людьми», коль скоро Католическая Церковь ранее не смогла вернуть их к «христианскому единству». Католики предполагали, что оказанная русским щедрая — и не сопровождавшаяся призывами к обращению в веру — помощь может способствовать сближению. Общее враждебное отношение к левой угрозе, существование славянского обряда в Католической Церкви и, наконец, непосредственное нахождение эмигрантов в католической стране (что способствовало росту смешанных браков) рассматривались как факторы религиозного примирения. При этом для католической иерархии примирение фактически означало Унию, т.е. подчинение православных. Для Мишеля Д'Эрбеньи главным критерием было количество обращенных в католичество. Архиепископ Парижа кардинал Дюбуа, комментируя энциклику *Mortalium animos*, подчеркивал, что «Рим — объединяющий центр всей Церкви», а примирение с «схизматиками», излишняя снисходительность и даже щедрость по отношению к ним стерилизуют интеллектуальное мышление и препятствуют «логической демонстрации истины».

Иную позицию занимал известный католический проповедник отец Мари-Андре Дье, упрекавший своих единоверцев в том, что они возвращают все к латинскому духу и не уважают многообразие верующих. Отец Мари-Андре призывал не пытаться обратить инакомыслящих, а продемонстрировать пример Церкви, очищенной от своих пороков. Главный ответственный за апостольство среди иностранцев, вспомогательный епископ Парижа Эммануэль Шапталль осознавал, как бывший дипломат, деликатный характер помощи эмигрантам из России, стараясь не задеть гордость эмигрантов и убедить их в своем искреннем намерении помочь. Он настаивал на предоставлении помощи без религиозных условий, запрещая оказывать давление

---

⁹ Schor R. Les Russes blancs devant l'opinion française (1919–1939) // *Cahiers de la Méditerranée*. 1994. N. 48. P. 223.

на православных детей, посещающих католические учреждения. Также епископ Эммануэль Шапталь поощрял встречи между интеллектуалами и священнослужителями, принадлежащими к двум конфессиям, а также способствовал появлению русско-католической Миссии с часовней, где службы проводились по восточному обряду, с максимальным великолепием¹⁰.

В отсутствие данных статистики оценить результаты этих усилий нелегко, тем не менее, известно, что индивидуальные переходы из православия в католичество были редки. Так, в Париже тогда было приблизительно 200 русских католиков, 30 — в Лионе, 64 — в Мецкой епархии. При этом православные воспринимали переход в католичество как дезертирство, что приводило к разрыву связей между людьми, а также к общей напряженности межконфессиональных отношений. Обращение в католичество православных священнослужителей было чрезвычайным событием, как, например, обращение архимандрита Сергея Дабича 6 октября 1923 г. от рук епископа Шапталя (что было зафиксировано в «*La Semaine Religion du Diocese de Lille*»). Отметим, что русские католики все же были частью русской эмиграции, и, что важно, не имели каких-либо преимуществ в предоставлении помощи со стороны католических организаций.

В 1923 г. по инициативе Папы Пия XI в Лилле открылась семинария Св. Василия, финансируемая *Oeuvre des Ecoles d'Orient*, под руководством доминиканцев. Это новое учебное заведение предназначалось для русских католиков и тех, кого привлекала восточная духовность и славянский обряд. В 1928 г. Александр Евреинов стал приходским священником русской церкви, под руководством епископа Шапталя. Отметим, что церковь Св. Троицы служила в те годы основой русского католического прихода¹¹.

Реакция на указанную помощь в среде русской эмиграции не была однозначной. Так, в 1925–1926 гг. между православными и католиками разгорелась острая вражда. Еще с начала 1920-х гг. православные обвиняли католиков в том, что они за деньги покупают души. Редкие переходы из православия в католичество лишь подогревали вражду, особенно если речь шла о детях, получавших образование в католических учреждениях. Многие православные опасались Унии. Г. Трубецкой¹² и А. Карташев писали о необходимости дать интеллектуальный ответ католицизму, прот. Сергей Булгаков в своей книге «Святые Петр и Иоанн» (1926) критиковал тезисы «*De ecclesia*» д'Эрбиньи о первенстве Папского Престола, Петр Струве говорил о «необходимой религиозной самообороне».

Следует отметить, что помимо католических организаций помощь русской эмиграции оказывали протестантские организации, в частности, неоценимую поддержку Свято-Сергиевскому подворью оказала организация YMCA. При этом отношения между православными иерархами в эмиграции

¹⁰ *Biosard P. De la diplomatie à l'épiscopat: Monseigneur Chaptal, évêque d'Isionda, 1861–1943. Paris: Flammarion, 1945. P. 34.*

¹¹ *Колупаев В. Е. Александр Николаевич Евреинов как Ватиканский дипломат и деятель русского зарубежья // Studia Humanitatis. 2015. № 4. С. 2.*

¹² *Трубецкой Г. Католический богослов о русской религиозной психологии // Путь. 1925. № 1. С. 174.*

и представителями протестантизма и англиканства складывались намного теплее, чем с католиками. Русская зарубежная пресса неоднократно становилась ареной полемики между католиками и православными, причем отношения обострились после серии статей Александра Яблоновского в газете «Возрождение», направленных против благотворительной деятельности Католической Церкви. Вначале католики игнорировали обвинения, заявляя, что их совесть чиста, и что они клевете противопоставляют спокойствие и милосердие. Католическая пресса публиковала письма россиян с благодарностью римскому духовенству за бескорыстную помощь.

Однако далее католики стали резче отвечать на критику. Так, заместитель епископа Шапталя каноник Кене опубликовал свою статью «Серьезная ошибка» в газете «Дни» (*Les Jours*) (27–28 марта 1926 г.). После этого в полемику вмешались иерархические власти: митрополит Евлогий опубликовал свое письмо монсеньору Шапталю, в котором упрекал епископа за действия его подчиненного («Возрождение», 31 марта 1926 г.). В католическом журнале *La Croix* вышла статья, напоминавшая о гонениях на католиков в царской России и утверждавшая, что в случае восстановления монархии в России русские с легкостью забудут о предоставленной помощи и вновь станут притеснять католиков. Взаимные обвинения продолжались до тех пор, пока в апреле 1926 г. парижское епархиальное управление, уставшее от обвинений в оказании якобы корыстной помощи, неожиданно решило распустить «Французский союз помощи русским»¹³. Эта новость произвела глубокое потрясение в кругах русской эмиграции. Газета «Последние новости», возглавляемая П. Н. Милюковым, различные организации, такие как Русский Красный Крест, Российский народный университет, Донское казачество, ранее проявлявшие умеренность, встали на сторону католиков, благодаря епископа Шапталя и выражая сожаление по поводу завершения программы помощи. В итоге митрополит Евлогий обратился к епископу Шапталю с просьбой не мстить невинным детям и старикам, после чего материальная помощь была возобновлена.

Таким образом, межвоенный период стал примечательным временем для истории межконфессиональных отношений в среде русской эмиграции. Для русского православия за рубежом 20-е–30-е гг. XX в. были отмечены поиском идентичности в чуждой конфессиональной среде, необходимостью найти баланс между сближением с другими ветвями христианства, выживанием диаспоры и стремлением избежать ассимиляции, дав интеллектуальный ответ католицизму. Для Католической Церкви это было время стало временем возникновения и крушения надежды на новую Унию. Данные события оказали существенное влияние на последующий отход Ватикана от концепции единства христиан исключительно в виде Унии, и постепенного принятия экуменической идеи. Когда 7 декабря 1965 г. Папа Павел VI и Константинопольский Патриарх Афинагор отменили взаимные отлучения, наложенные в 1054 г., это стало важным шагом на пути примирения между католиками и православными.

---

¹³ *Pettinaroli L. Difficultés et fécondités d'une rencontre: catholicisme et orthodoxie à l'épreuve de l'émigration russe // Les premières rencontres de l'Institut européen Est-Ouest. Lyon, 2004. P. 292.*

Источники и литература

1. Голованов С. В. Русское католическое дело. Римско-католическая церковь и русская эмиграция в 1917–1991 гг. Омск: Амфора, 2015. 464 с.
2. Колупаев В. Е. Александр Николаевич Евреинов как Ватиканский дипломат и деятель русского зарубежья // *Studia Humanitatis*. 2015. № 4.
3. Трубецкой Г. Католический богослов о русской религиозной психологии // Путь. 1925. № 1. С. 172–176.
4. Biosard P. De la diplomatie à l'épiscopat: Monseigneur Chaptal, évêque d'Isionda, 1861–1943. Paris: Flammarion, 1945.
5. Clément J. Mgr Chaptal et la Mission diocésaine des étrangers // *Cahiers de la Méditerranée*. 2008. N. 76. P. 53–63.
6. Gouyon C. L'action des catholiques français auprès des jeunes réfugiés russes dans l'entre-deux-guerres // *Revue d'histoire de l'enfance "irrégulière"*. 2022. N. 24. P. 21–32.
7. Menegaldo H. *Les Russes à Paris*. Paris: Autrement, 1998.
8. Pettinaroli L. Difficultés et fécondités d'une rencontre: catholicisme et orthodoxie à l'épreuve de l'émigration russe // *Les premières rencontres de l'Institut européen Est-Ouest*. Lyon, 2004. P. 289–309.
9. Pettinaroli L. *La politique russe du Saint-Siège (1905–1939)*. Rome, 2015.
10. Schor R. Le facteur religieux et l'intégration des étrangers en France, 1919–1939 // *Vingtième Siècle, revue d'histoire*. 1985. N. 7: Étrangers, immigrés, français. P. 103–116.
11. Schor R. Les Russes blancs devant l'opinion française (1919–1939) // *Cahiers de la Méditerranée*. 1994. N. 48. P. 211–224.
12. Schor R. Solidarité chrétienne? Orthodoxes russes et catholiques français dans les années 1920 // *Cahiers de la Méditerranée*. 2001. N. 63. P. 157–167.
13. Tokareva E. Vatican and Catholics in Russia in 1920–1930: communication problems // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2016. № 236. P. 379–380.